

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ГЕНДЕРНЫЙ ПОРЯДОК

НАЦИОНАЛЬНАЯ ГОРДОСТЬ И ЦЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ВЫБОРА В ДЕСЯТИ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ

*Софья Лопатина^а, Вероника Костенко^б,
Эдуард Понарин^б (eponarin@hse.ru)*

^а Институт социальной антропологии им. Макса Планка, Галле, Германия

^б Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Лопатина С., Костенко В., Понарин Э. (2019) Национальная гордость и ценности индивидуального выбора в десяти постсоветских странах. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(4): 166–201.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.4.7>.

Аннотация. Анализируются ценности индивидуального выбора, такие как оправдание абортов, разводов и добрачного секса, в десяти постсоветских странах: Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане в Центральной Азии, Азербайджане, Армении и Грузии на Кавказе, а также в Белоруссии, России, Украине и Эстонии. Мы показываем, что ценности индивидуального выбора в этих странах связаны с более низким уровнем национальной гордости респондентов. Мы интерпретируем данный вывод, опираясь на исследования гендерных аспектов национализма. Полагаем, что нетерпимое отношение к индивидуальному выбору в массовых опросах на постсоветском пространстве связано с принятием национальной идеологии, продвигаемой постсоветскими элитами, а не практиками частной жизни.

Ключевые слова: национальное строительство, ценности индивидуального выбора, Всемирное исследование ценностей, кросс-культурные исследования ценностей, консервативный поворот.

Введение

Советский Союз был площадкой для различных, зачастую радикальных социальных экспериментов. Его население испытывало постоянное вмешательство в экономическую, религиозную, социальную и сексуальную жизнь со стороны государства. Большая часть граждан с энтузиазмом поддерживала доминирующую идеологию в период, когда репутация советского строя находилась на пике (1960-е годы). В следующие десятилетия, во время экономической и моральной деградации режима, большинство стало цинично относиться к идеям строительства коммунизма.

Более того, эти эксперименты время от времени вели к кардинальным разворотам, когда новые меры совершенно противоречили предыдущему официальному курсу. Широкомасштабная пропаганда всегда была неизменным спутником экспериментов. Соответственно большая часть советского населения лишилась не только своих национальных традиций и религиозных корней, но и какой-либо идеологической определенности. Неспособность режима определиться с социальным курсом в конце концов привела к тому, что уровень доверия к официальным лозунгам упал, и многие советские граждане сосредоточились на частной жизни. В результате возникло оруэлловское двоемыслие, особенно широко распространенное в позднесоветский период, когда на коммунистических собраниях советские граждане вели себя так, как этого требовала система, а дома критиковали государственную идеологию.

Значимые различия между тем, что говорилось на публике, и практиками частной жизни стали ключевыми особенностями позднего социализма. Алексей Юрчак полагает, что после смерти Сталина возник «перформативный сдвиг». Уход Сталина, единственного носителя «объективной истины», трансформировал советскую общественную жизнь таким образом, что воспроизводство формы и ритуала вышли на первый план, в то время как содержание публичных речей перестало играть значимую роль. Участие в ритуалах было знаком того, что тот или иной человек принадлежит коллективу. Согласно модели Юрчака, публичные речи и ритуалы не только воспроизводили социальные структуры и структуры власти, но и выполняли освободительную функцию для активных участников: публичное исполнение надлежащего ритуала давало советским гражданам большую свободу действий в частной жизни, в том числе становились допустимыми те практики, которые были несовместимы с официальной идеологией (Юрчак 2013).

Распад Советского Союза усугубил идеологический вакуум. Даже старшие поколения, которые ранее искренно верили в коммунистические идеалы, столкнулись с распадом государства, за которое они сражались в войне и ради которого усердно работали. Люди стали интересоваться альтернативными идеологиями еще до распада советского государства, и тогда либеральная демократия многим казалась многообещающей. Однако первые годы после распада СССР привели к разочарованию в идеях либеральной демократии на постсоветском пространстве.

В большинстве случаев идеологический вакуум в постсоветских странах заполнили консервативные идеологии различного толка. Как правило, это была националистическая повестка иногда примордиального, в других случаях государственнического типа, в различной степени подпитываемая

традиционной религией. Роль женщин в постсоветских обществах была эксплицитно пересмотрена во всех случаях. Новые официальные дискурсы легитимировали уход женщин с рынка труда в сферу домашнего хозяйства. Однако это вовсе не означало, что женщины последовали желаниям политиков и консервативных активистов, поскольку среднее количество детей не возросло, а уровень разводов значительно не снизился. Все существующие демографические тенденции свидетельствуют о том, что консервативная политика не оказала значительного влияния в этой сфере (Вишневикий 2009).

Гендерный вопрос на постсоветском пространстве в последние десятилетия часто характеризуется такими терминами, как «консервативный поворот», «возврат к семейным ценностям» или «матернализм» (Mahon, Williams 2007). В постсоветском пространстве его версии варьируются от национального возрождения в Центральной Азии, где ключевым элементом идеологии стала религия (Kandiyoti 2007), до усиления маскулинности в России и Белоруссии (Johnson, Saarinen 2013). Все постсоветские государства, за исключением стран Балтии, демонстрируют меньший уровень гендерного равноправия, чем другие общества с сопоставимыми уровнями благосостояния и образования (Inglehart, Norris 2003).

Причина этого представляется более сложной, чем просто возврат к «золотому веку» традиционализма после неудачи советского проекта модернизации. Скорее это результат ряда попыток «создания новых образов нации, [призванных] повысить социальную солидарность во всё более и более расколотых постсоветских обществах» (Kandiyoti 2007). Из-за идеологического нигилизма — наследия советской эпохи — изменения иногда могут оказать большее влияние на то, что люди говорят, чем на то, что они делают.

Как отметил Й. Эспинг-Андерсен, постсоветский институциональный ландшафт продолжает быть «лабораторией экспериментов» (Esping-Anderson 1996). Поскольку все 15 постсоветских обществ были частью одного и того же институционального контекста 28 лет назад, можно было бы ожидать сходных моделей трансформации гендерного режима. Однако, несмотря на то что они все двигались в сторону большего консерватизма, у каждого из них сложилась особая модель.

Ценности индивидуального выбора (Welzel 2013) представляют для нас особый теоретический интерес в этом контексте, так как, согласно ряду исследований, они являются наиболее универсальным компонентом ценностей эмансипации, которые приблизительно одинаково понимаются во всем мире (Sokolov 2018). Однако каждый отдельный компонент исходного индекса (одобрение абортов, разводов и гомосексуальности)

имеет свои особые тенденции и динамику в постсоветском контексте. Аборты, например, были основной мерой контрацепции с 1920-х годов и на протяжении практически всего периода существования советского государства (исключением стал относительно короткий период криминализации аборт при Сталине) (Здравомыслова 2001). Разводы не вызвали осуждения практически на всей территории Советского Союза, кроме некоторых отдаленных сельских районов. Вместе с тем (мужская) гомосексуальность являлась уголовным преступлением до 1993 г. и до сих пор вызывает осуждение у большей части населения (Gulevich et al. 2018; Clech 2018). По этим причинам нам было необходимо модифицировать индекс ценностей в защиту жизни (ЦЗЖ — противоположный полюс ценностей индивидуального выбора; подробнее об этом см. в разделе «Данные и метод»).

Цель статьи — изучить взаимосвязь между национальной гордостью и ЦЗЖ в постсоветских контекстах. Мы полагаем, что в качестве официальной идеологии постсоветских обществ на смену коммунизму пришел национализм. Хотя разрыв между публично одобряемыми нормами и реальным поведением зачастую может оставаться таким же широким, что и в советский период, наше исследование показало, что влияние национальной гордости на ценности индивидуального выбора в постсоветских государствах является более устойчивым и явным, чем влияние таких традиционных предикторов, как образование, возраст и гендер. Таким образом, наше исследование вносит свой вклад в академическую дискуссию о гендере, национализме и модернизации.

Модернизация и гендерный порядок в глобальной перспективе

В XX в. в процессе глобальной модернизации роль женщины в обществе значительно изменилась (Heyzer 2001; Inglehart 1997). Исследователи наблюдают изменения гендерного порядка от патриархального к более эгалитарным моделям во всех странах мира. Стремление к гендерному равенству — важный шаг вперед в переходе от традиционного общества к современному (Sen 1999). Урбанизация, рост профессиональной специализации, индустриализация и распространение высшего образования — важные компоненты модернизации (Roxborough 1988; Inkeles, Smith 1974). Изменения ценностей, которые сопровождают процесс модернизации, помимо прочего, включают изменения гендерных ролей и моделей семейного поведения. Роли «добытчика» и «домохозяйки», которые определяют гендер в традиционных обществах, уступают стремлению к гендерному равенству в современных обществах (Scott 1995). Эти изменения возникают вследствие участия женщин на рынке труда, распро-

странения высшего образования, большей терпимости и секуляризации. Модернизация ведет к более высокому уровню гендерного равенства и менее строгим сексуальным нормам (Inglehart, Baker 2000). Однако существует значительный промежуток времени, составляющий приблизительно 50 лет, между появлением экономических условий, ведущих к более высокой степени экзистенциальной безопасности, и массовым сдвигом в сторону ценностей индивидуального выбора и гендерного равенства (Inglehart et al. 2017).

Пересмотренная теория модернизации утверждает, что ценности гендерного равенства с большей вероятностью получают развитие в более безопасных, богатых и политически стабильных обществах (Inglehart, Welzel 2005). По этой причине люди из менее развитых стран с относительно более низким качеством жизни отдают предпочтение ценностям выживания, а не эгалитарным ценностям, т.е. меньше поддерживают гендерное равенство. Улучшение условий жизни ведет к росту индивидуализма и понижению социального и группового контроля над индивидами. Однако некоторые исследования показывают, что быстрый экономический спад может привести к непредсказуемым трансформациям гендерных моделей. В таком случае существует вероятность развития как более эгалитарного, так и более дискриминационного гендерного порядка (Young 2013).

Ценности индивидуального выбора, которые операционализируются Кристианом Вельцелем как отношение к абортам, разводам и гомосексуальности, наиболее важный сегмент широкого спектра эмансипационных ценностей (Sokolov 2018; Welzel 2013). Пересмотренная теория модернизации и бесчисленное количество эмпирических исследований, основанных на репрезентативных выборках по странам Всемирного исследования ценностей (WVS), показывают, что эти ценности связаны с более молодым возрастом, женским полом, наличием высшего образования, высоким социальным статусом, низкой религиозностью и немусульманским вероисповеданием. Вне всякого сомнения, данные выводы релевантны для обществ, в которых происходило стабильное экономическое развитие на протяжении полувека или более после окончания Второй мировой войны. Однако пересмотренная теория модернизации в меньшей степени фокусируется на переходных обществах, особенно тех, в которых произошли экономический коллапс или дезинтеграция. Мы полагаем, что в таких обществах «возрождение» традиционных ценностей может отчасти отражать попытки элит построить новые национальные идентичности с помощью простого и всегда доступного инструмента примордиального нарратива, поощряющего высокую рождаемость.

Ценности индивидуального выбора и история гендерного вопроса в странах бывшего СССР

Советский период

В начале XX в. Советский Союз был одним из наиболее прогрессивных государств в отношении гендерного эгалитаризма и сексуальной свободы. Всеобщее право голоса, массовое образование, государственные программы, нацеленные на расширение участия женщин на рынке труда, были реализованы сразу после революции 1917 г. Советские женщины воспринимались как группа, нуждающаяся в программах государственной поддержки, а также как важные субъекты эмансипации и революционных изменений.

Благодаря усилиям известной большевички Александры Коллонтай советские женщины получили возможность самостоятельно принимать решения о разводах и абортах и стали свободнее в выборе сексуальных партнеров вне брака. Коллонтай полагала, что сексуальность — это естественный инстинкт, а семья — устаревший буржуазный институт, укорененный в собственническом и патриархальном прошлом (Коллонтай 2007). Основываясь на ее подходе, большевики смогли значительно изменить крестьянские патриархальные нормы всего за пару десятилетий. Уровень рождаемости начал снижаться еще до революции, но данный процесс проходил медленнее, чем в других европейских странах, а реформы большевиков ускорили его (Ashwin 2000).

Приблизительно через 20 лет после революции Сталин попытался изменить данную тенденцию, хотя и не смог добиться в этом больших успехов (Fitzpatrick 2000), так как страна уже далеко продвинулась в процессе демографического перехода и уровень рождаемости на территории РСФСР — крупнейшей республики Советского Союза — снизился приблизительно с 6 детей на одну женщину в 1917 г. до 2,5 в середине 1930-х.

Несмотря на то что с 1936 по 1955 г. аборты в СССР были запрещены из-за демографических опасений Сталина, они массово совершались тайно и вне закона. Большинство советских женщин тех поколений говорят, что делали аборт хотя бы раз в своей жизни. Многие воспринимали аборты в качестве средства контрацепции, что нашло свое отражение в статистике (например, только в 1965 г. было выполнено 5,5 млн легальных абортов, что больше, чем количество новорожденных) (Johnston 2018).

Разводы без оснований стали доступны с 1918 г., сожительство было приравнено к браку начиная с 1926 г. С 1936 г. процедура развода усложнилась, так как обе стороны были обязаны присутствовать при разводе, а также оплатить штраф. С 1944 г. разводы стали публичными, так как обе стороны должны были опубликовать заметку о своем разводе в мест-

ных газетах. Количество разводов после окончания Второй мировой войны было относительно низким, но к середине 1970-х годов этот показатель вырос в десять раз в результате либерализации политического курса в 1950-е годы.

Социалистическая политика в отношении женщин привела к двойной нагрузке: женщина была ответственна за рождение и воспитание детей, а также обязана была зарабатывать. Несмотря на все несовершенства гендерной политики с современной точки зрения, Советский Союз до 1970-х годов имел более высокий уровень гендерного равноправия, чем большинство западных обществ в смысле общего образования, возможностей на рынке труда и сексуальных свобод.

Гендер в контексте постсоветского национального строительства

Айзенштадт в своей монографии «Множественные модерности», говорит о том, что после распада больших империй, таких как Советский Союз, новые государства формируют свои идентичности на основе этнических, религиозных, локальных или транснациональных общностей. Некоторые постимперские общества конструируют свои нации через отречение от имперских ценностей и возврат к традиционализму в семейной жизни и публичном дискурсе. Айзенштадт отмечает, что такой «консервативный поворот» является современным, хоть он и может носить маску традиционализма (Eisenstadt 2000). Мы используем пример ценностей индивидуального выбора для анализа перехода от империи к нациям в этом контексте.

До конца 1980-х годов исследователи национализма не занимались вопросами гендера. С того времени допущение о том, что национализм является гендерно нейтральным проектом, начали ставить под сомнение, показывая важность гендера и сексуальности для проектов национально-го строительства. Гендер и сексуальность признали одним из аспектов, на основе которых происходит перераспределение ресурсов в рамках любого национального сообщества в интересах одних групп за счет других. «Национализм зачастую становится дискурсом, посредством которого легитимируются сексуальный контроль и подавление, выражаются и вырабатываются модели маскулинности» (Mauger 2012).

Юваль-Дэвис отмечает, что важность женщин для национальных проектов связана с их функцией рождения и воспитания детей, т.е. физическим и идеологическим воспроизведением нации. Отсюда происходит символическая важность женской чистоты, поскольку только «чистые» женщины могут воспроизвести «чистую» нацию, чтобы сохранить ее и обеспечить ее выживание (Anthias 1989).

Таким образом, роль гендера и сексуальности в процессе национального строительства имеет большое значение, однако она может варьироваться в зависимости от контекста. Гендер и сексуальность выходят на первый план, когда национальный проект оказывается под угрозой, а конструирование национальной идентичности становится предметом споров. В таких обстоятельствах отношение к сексуальности и гендеру может принять запретительные формы. Конструирование национальных идентичностей, особенно в периоды кризиса идентичности и общественной нестабильности, зачастую сопровождается риторикой в защиту жизни и попытками регулировать сексуальность женщин путем отказа им в праве принимать решения по поводу их собственного репродуктивного поведения. Например, Лиза Смит показывает, как ирландская национальная идентичность «конструировалась посредством дискурсов об абортах» (Smyth 1998).

Постсоветские и бывшие социалистические страны ни в коем случае не становятся исключениями в этом смысле. Мы полагаем, что вопросы гендера и сексуальности на постсоветском пространстве главным образом воспринимаются через призму национализма и национального строительства. В бывшей Югославии, например, распространение порнографии, аборт и смешанных браков интерпретировались как работа врагов нации. Таким образом, на женщин возлагали ответственность как за деградацию нации, так и за ее биологическое выживание. Деторождение и воспитание детей воспринимались в качестве основных моральных обязанностей женщин как граждан (Mostov 2012). По этой же самой причине законы в защиту жизни были приняты в Польше. Похожие тенденции можно найти во всех бывших социалистических странах Европы (Rueschemeyer 2016; Gal 1994).

Все общества, которые ранее являлись частью Советского Союза, более 70 лет жили в одинаковых правовых и институциональных условиях. Теперь, через четверть века после обретения независимости, все эти страны следуют своим путем. Переход от плановой экономики к рынку сопровождался политической нестабильностью, этническими конфликтами, экономической стагнацией и ростом количества авторитарных режимов среди постсоветских государств, за исключением стран Балтийского региона, характеризующихся развитием электоральных демократий.

Несмотря на все отличия, которые могут существовать между постсоветскими обществами, процессы национального строительства в них имеют ряд общих черт. Они в определенной степени консервативны, что выражается в распространённости патриархальных и националистических идеологий. Кроме того, не являются исключением и попытки сформиро-

вать новую национальную постсоветскую идентичность с помощью апелляции к примордиальным дискурсам и мифам национального возрождения (Гапова 2007). В дополнение к риторике «крови и почвы» эти дискурсы обращают внимание на роли женщины-матери как основного репродуктивного инструмента нации. В них обычно акцентируют необходимость контроля над женской репродуктивной функцией, а также над сексуальностью женщин через публичное осуждение отклонений от принятых норм. Эти изменения напоминают правовые запреты разводов, абортот и добрачного секса, которые включали в себя особые понятия «мужественности» и «женственности» (Yuval-Davis 1997).

По той причине, что нация понимается как большая семья, женщины воспринимаются в первую очередь как матери или жены, воспроизводящие национальное сообщество (Collins 1998). Постсоциалистические страны восстановили «долгосрочную связь между идеологической доместикацией женщин и традиционно-консервативными взглядами на социальную роль гендера, отношение между частным и публичным, политикой в целом и в рамках государства-нации» (Yuval-Davis 2004).

Поскольку новые элиты не имели достаточных политических рычагов и еще менее экономических ресурсов, чтобы заручиться поддержкой граждан во время становления новых национальных государств, они взяли на вооружение многовековую примордиальную риторику спасения нации путем продвижения семейственности и фертильности. Риторика угрозы нации работала настолько хорошо, что практически все страны — преемницы СССР использовали ее, хотя и в разной степени (Cleuziou, Direnberger 2016; Marsh 2004). Элиты фреймировали дебаты о ценностях индивидуального выбора таким образом, что оппозиция этим ценностям казалась естественной для патриота. Такой курс постсоветских элит, возможно, объясняется экономической неспособностью построить новую национальную идентичность на внекультурных основаниях (Surucu 2002; Suny 2000).

Гендерно окрашенные дискурсы материнства, девственности, женской чистоты и хрупкости часто использовались в новообразованных государствах для легитимизации своих национальных корней и отделение себя от «другого», который мог принимать форму «советского» или «российского» (или других соседних республик), изображаемого как аморальный, нелояльный, эгоистичный и атеистический. Таким образом, гендер использовался как вопрос политической, а не только как вопрос личной жизни во всех постсоветских государствах, включая Россию. Даже лидер перестройки Михаил Горбачёв утверждал, что женщины должны быть освобождены от двойной нагрузки и что им следует оставаться дома (Rotkirch et al. 2007).

Более того, значительное сокращение гендерного равенства и отрицание ценностей индивидуального выбора могло произойти вследствие возврата классовых иерархий в этих обществах. Как отмечает Гапова, «в то время как на Западе одной из главных особенностей третьей волны феминизма было снижение влияния классовой структуры, что, в свою очередь, подразумевало более равное распределение ресурсов в обществе, постсоциализм через экономическое неравенство привел к усилению эффекта классовой структуры» (Гапова 2005). Согласно ее анализу, перераспределение ресурсов сопровождалось переопределением маскулинности и феминности, а также ролей мужчины и женщины в обществе. Националистические дискурсы легитимировали новую социальную структуру и новые формы неравенства. Недавняя статья Новокмета и Пикетти подтверждает это, демонстрируя, что после 1991 г. социальное неравенство в России выросло намного сильнее, чем в Китае или посткоммунистических обществах Восточной Европы, и почти достигло показателей Соединенных Штатов или дореволюционной России (Novokmet et al. 2018).

Советский атеизм, возрождение религии и ценности индивидуального выбора

Религия также является важным аспектом национальной идентичности и национализма (Spohn 2003; Brubaker 1996). В некоторых случаях консервативные решения правительства легитимируются религиозными лидерами. Возвышение роли религиозного наследия, которое зачастую выступало инструментом и оправданием общественного контроля над женской сексуальностью и репродуктивным поведением, может быть причиной массового декларативного неприятия ценностей индивидуального выбора в некоторых постсоветских контекстах.

Советские атеистические кампании были относительно успешными, так как подавляющее большинство населения к началу 1960-х годов было неверующим, за небольшим исключением некоторых религиозных групп, как правило включавших в себя представителей более старших поколений. Однако с развитием кризиса советского проекта различные социальные группы, особенно среди интеллигенции, стали проявлять все больший интерес к идеям и идеологиям, альтернативным советской. Религиозное возрождение стало важной частью жизни советской интеллигенции уже к 1970-м годам. Оно резонировало с другими культурными тенденциями и практиками, нацеленными на возврат к досоветскому прошлому и идентичностям, в том числе движением за сохранение и восстановление археологических памятников и архитектуры, а также так называемой деревен-

ской прозы, оплакивавшей разрушение деревни и традиционного образа жизни (Luehrmann 2013).

Поиск интеллигенцией альтернативных образов жизни и идентичностей привел к росту интереса не только к православию, исламу, иудаизму и баптизму, но и к йоге, буддизму и различным формам эзотерических и мистических групп (Hagemeister 2012).

В различных дискурсах «возвращения к корням» религия играет значительную роль, особенно если учитывать 70-летнюю пропаганду атеизма, антирелигиозных кампаний и неоднократных заявлений о том, что религия является сосредоточением зла на пути к прогрессу и модерности. Религия до сих пор играет заметную роль в публичной сфере большинства постсоветских государств, представляя собой «большой нарратив, репрезентирующий национальные ценности» (Agadjanian 2006).

Рассматриваемые нами страны позволяют проанализировать ряд контрастов, наблюдаемых на постсоветском пространстве (см. табл. 2). Например, Армения, Белоруссия, Россия и Украина принадлежат к восточной ветви христианства, в то время как Кыргызстан, Казахстан, Узбекистан и Азербайджан разделяют исламское наследие. Между тем степень религиозности не совпадает с приверженностью к той или иной конфессии. Так, Белоруссия, Казахстан, Россия и Украина по большей части остаются секуляризованными, так как советский атеизм оставил там значительный след. Азербайджан, Армения, Кыргызстан и Узбекистан стали очень религиозными (Gautier 1997).

Согласно одному из популярных культурных объяснений, культурное наследие ислама и мусульманское вероисповедание являются одними из ключевых факторов, которые замедляют распространение гендерного равенства и принятие ценностей индивидуального выбора. Однако наши данные не могут в полной мере подтвердить эту гипотезу в постсоветском контексте. Христианские общества Армении и Грузии, например, не менее консервативны в плане поддержки ценностей индивидуального выбора, чем исламские общества Узбекистана и Азербайджана. Общество Казахстана, традиционно остающееся мусульманским, вместе с тем поддерживает индивидуальные ценности практически на том же уровне, что Россия и Украина. Разумеется, это частично объясняется тем, что все советские республики, включая общества с исламским наследием, на протяжении десятилетий жили при официальном секуляризме, когда передача религиозных убеждений и традиций была затруднена.

Новые манифестации исламской религиозности успешно соревнуются или дополняют новые национальные идеологии, заменившие комму-

низм в постсоветских мусульманских обществах. Многим ислам казался единственным способом восстановления «нормальной» жизни в контексте обеднения, беспорядков и «моральной деградации». Например, благодаря традиционно кочевому образу жизни Кыргызстан, в отличие от Узбекистана и Азербайджана, не направлял особых усилий на укрепление ислама (Khalid 2008). Только в постсоветский период в Кыргызстане были открыты духовное управление мусульман и большое количество религиозных школ. Количество мечетей в Кыргызстане выросло в 50 раз в течение первого десятилетия независимости. Эти процессы спонсировались странами Персидского залива, которые внесли особый вклад в распространение фундаменталистского ислама (Heyat 2004). Исламское наследие, согласно ряду исследований, стало значительным барьером на пути распространения гендерного равноправия (Alexander, Welzel 2011; Norris 2009; Spierings Niels et al. 2009; Inglehart, Norris 2003). Однако наши данные не позволяют утверждать, что существует корреляция между нормами сексуального поведения и исламским наследием в постсоветском контексте.

Можно выделить две тенденции: в Центральной Азии и на Кавказе. С одной стороны, патриархальный гендерный порядок теряет свою легитимность и становится объектом анализа. Такая тенденция вызвана влиянием советского наследия и продолжающейся модернизацией. С другой стороны, существует сильное давление на женщин, которых вынуждают следовать традиционным семейным нормам. Несоблюдение последних может повлиять не только на возможность женщины вступить в брак, но и на репутацию ее родственников (Akiner 2009). Установки в отношении семьи зависят от социального слоя, уровня образования, городского или деревенского окружения. Однако, согласно Темкиной, эти установки не зависят от возраста (Темкина 2005). Другими словами, между поколениями изменения установок не происходит. Таким образом, это можно проинтерпретировать скорее как общий конформистский ответ в новой идеологической среде, а не как реальную смену ценностей между поколениями (Inglehart et al. 2017).

Так же как и в традиционно христианских странах нашей выборки, религия в мусульманских государствах считается не только инструментом национального строительства, но и силой, способной привести к дестабилизации. Современные исследования стран Центральной Азии говорят о «тенденциях экспроприировать ислам в качестве национального наследия», особенно с помощью использования «фольклорных» понятий ислама для поддержки собственного статуса» (Hann 2009).

Гипотезы

Наши данные позволяют взглянуть на установки индивидуального выбора в большинстве постсоветских обществ. На протяжении более чем 20 лет независимости новые поколения выросли, находясь под влиянием националистического дискурса о женщинах, подпитывавшего патриархальные и националистические идеологии. Насколько успешными оказались эти дискурсы? Какие социальные группы чаще их поддерживают?

Мы анализируем установки по поводу аборт, разводов и добранно-го секса. Вряд ли респонденты ежедневно думают об этих вопросах. Тем не менее они воспроизводят социально-одобряемые взгляды, сформировавшиеся главным образом в постсоветский период. Ответы респондентов создают представление о том, что может и не может быть высказано публично, другими словами, о социальных нормах. Согласно Баррингтону Муру, большинство людей скрывает свои настоящие установки по острым вопросам. По этой причине подавляющая поддержка пуританских взглядов в массовых опросах не всегда отражает реальные практики, но зато показывает социальные нормы (Мур 2016).

Большинство людей, ответы которых мы анализируем, выросли в СССР, и они не могли радикально изменить свои взгляды после распада страны. Однако новый институциональный контекст наделил властью и новыми возможностями одних и лишил ресурсов других. Социальный контекст определяет мнение большинства, но в каждом обществе существует определенная степень гетерогенности, в том числе есть агенты изменений. В более открытых и менее репрессивных системах эта гетерогенность более явная, чем в других. В более авторитарных контекстах потенциальные агенты изменений с большей вероятностью покидают страну, что снижает вероятность перспективных изменений.

В любом случае общественное мнение подвергается влиянию официальных постсоветских дискурсов, зачастую националистических. Тем не менее поведение людей, особенно в частной сфере, продолжает отличаться от официальной позиции, что похоже на советское двоемыслие. Мы предполагаем, что те респонденты, которые сильнее подвержены влиянию националистических идеологий, будут выражать более консервативные взгляды. Соответственно, основная гипотеза нашего исследования состоит в следующем: в постсоветском контексте национализм является сильным предиктором ценностей, обратных индивидуальному выбору, операционализируемому как установки по поводу аборт, разводов и добранно-го секса.

В большинстве случаев поддержка ценностей индивидуального выбора объясняется с помощью таких переменных, как высшее образование, более молодой возраст, низкий уровень религиозности, более высокий социальный статус. Мы полагаем, что все эти предикторы не обладают достаточной объяснительной силой в постсоветском контексте.

Данные и методы

Мы используем данные шестой волны Всемирного исследования ценностей, сбор которых проводился с 2011 по 2014 г., для того чтобы проанализировать факторы толерантности к индивидуальному выбору в десяти постсоветских странах: Азербайджане, Армении, Белоруссии, Грузии, Эстонии, Казахстане, Кыргызстане, России, Украине и Узбекистане. Зависимой переменной в нашем анализе является индекс ценностей индивидуального выбора.

Зависимая переменная

Наш индекс ценностей индивидуального выбора похож на аналогичный индекс, созданный Вельцелем (Welzel 2013), который тоже включает вопросы, касающиеся оправдания разводов и аборт, однако мы исключаем вопрос о гомосексуальности по той причине, что он имеет незначительную вариацию или вовсе ее не имеет в некоторых высоко нормативных обществах. Например, абсолютное большинство респондентов в Армении (95 %) утверждают, что гомосексуальность никогда не может быть оправдана. По причине того, что уголовное наказание за секс между мужчинами существовало довольно долго (вплоть до 1993 г.), а также из-за того, что гомосексуальный секс использовался в качестве меры контроля в советских тюрьмах (и миллионы советских мужчин были частью той системы), гомосексуальность продолжает оставаться в значительной степени стигматизированной на всем постсоветском пространстве (Кондаков 2013; Пронкина 2016).

Для того чтобы заменить отсутствующий элемент индекса, мы добавили вопросы о добрачном сексе. Проблема девственности до сих пор играет большую роль во многих патриархальных обществах, в том числе в некоторых постсоветских обществах. Анна Темкина пишет в своей работе об Армении, что добрачная девственность была ключевым элементом гендерного порядка даже во время эмансипационного советского периода (хотя эмансипация относится скорее к публичной, а не частной сфере) (Темкина 2010). Более позднее исследование показало, что 80 % армянских женщин и 90 % мужчин полагают, что невесты должны быть девственни-

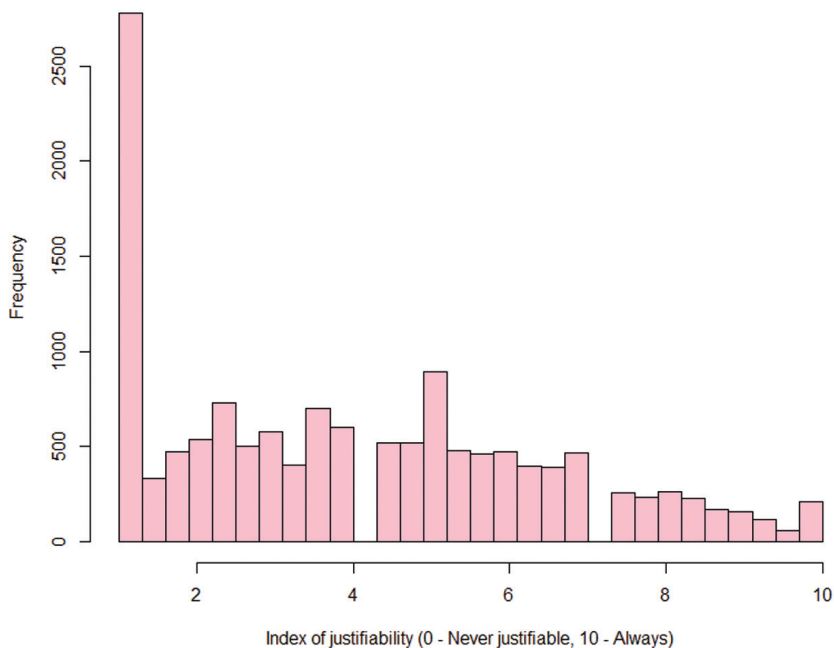

Рис. 1. Распределение индекса ценностей индивидуального выбора, агрегированного для десяти постсоветских государств (оправдание аборт, разводов и добрачного секса)

цами, что, в свою очередь, должно быть доказано матерью невесты. Данный вопрос остается актуальным при выборе супруги. Темкина показывает, что социальный контроль добрачного секса формирует гендерный порядок в Армении (Темкина 2008). Подобную тенденцию можно найти и в Азербайджане (Tohidi 1997). В то же время влияние социального контроля добрачного секса отсутствует в Белоруссии, Украине, России и Эстонии (Widmer et al. 1998). Вопрос одобрения добрачного секса также относится к индивидуальному выбору в частной жизни и сильно коррелирует (коэффициент выше 0,8) с двумя другими компонентами индекса.

Таким образом, наш индекс ценностей индивидуального выбора включает следующие переменные: одобрение разводов (V204), абортов (V205) и добрачного секса (V206). Все ответы измеряются по шкале от 1 до 10, где 1 — «это никогда не заслуживает оправдания», а 10 — «это всегда заслуживает оправдания».

Независимые переменные и контроли

Образование разделено нами на два уровня: университетское образование (1) и другое (2). Возраст и гендер были взяты из оригинальной базы данных Всемирного исследования ценностей. Посещение храма — переменная, состоящая из семи уровней (от «несколько раз в день» до «никогда») и рассматриваемая как непрерывная. Несмотря на потенциально неравное расстояние между категориями, предварительный анализ показывает практически постоянное изменение по зависимой переменной между ними; поэтому мы считаем эту переменную непрерывной. Брачный статус перекодирован из оригинальной переменной с семью уровнями в бинарную переменную (1 — разведен, 0 — другое), так как мы не нашли различия в ценностях индивидуального выбора между респондентами, состоящими в браке, незамужними (неженатыми) и овдовевшими людьми при предварительном анализе всех десяти обществ. Для Казахстана нами была введена категория религия с тремя уровнями (1 — нерелигиозен, 2 — мусульманин, 3 — христианин) по той причине, что население страны разделено между мусульманами и христианами в соотношении 70/30 и значительная доля населения является нерелигиозной.

Мы используем две меры национализма, которые выступают в качестве основных объяснительных переменных. Первая — это ответ на вопрос, имеющий четырехбалльную шкалу: *Насколько Вы гордитесь тем, что Вы — россиянин (белорус, узбекистанец...)?* По той причине, что очень малое количество людей выбрали категорию «совсем не горжусь», мы трансформировали данную переменную в трехуровневый фактор: 1 — «очень горд(а)», 2 — «горд(а)» и 3 — «не горд(а) или совсем не горд(а)» (см. табл. 1)

Таблица 1

Гордость за свою национальность (по странам)

Страна	Очень горд(а)	Довольно горд(а)	Не горд(а)
Азербайджан	718	197	83
Армения	779	240	38
Белоруссия	464	701	355
Эстония	309	760	388
Грузия	904	232	41
Казахстан	921	491	81
Кыргызстан	797	587	65
Россия	700	1149	439
Украина	380	588	480
Узбекистан	1297	159	9

Во-вторых, мы используем ответы на вопрос *Какими должны быть основные цели Вашего государства?* На него четыре варианта ответа, из которых «оборонная мощь» противопоставлена «высокому уровню экономического роста», «улучшению городской среды и сельских территорий» и «обеспечению того, чтобы голос обычных людей учитывался при принятии решений». Мы рассматриваем выбор в пользу оборонной мощи как националистически окрашенный. Получившаяся бинарная переменная принимает значение «1» для тех, кто считает, что оборонная мощь должна быть приоритетной целью, и «0» в ином случае.

Методы

Мы выполнили двухэтапный регрессионный анализ — бинарную логистическую регрессию на первом этапе и линейную регрессию на втором этапе для каждой страны в выборке. Выбор в пользу двухэтапного регрессионного подхода был сделан из-за специфического распределения зависимой переменной (Gelman 2006). Как показано на рисунке 1, зависимая переменная имеет большое количество нулей, которые представляют людей с наиболее консервативными ценностями, так как они утверждают, что ни одна из практик, о которых идет речь, никогда и ни при каких условиях не может быть оправдана. В качестве первого шага мы перекодировали зависимую переменную на две категории: «0» обозначает респондентов, которые утверждают, что никогда бы не одобрили развод, аборт или секс до брака, а «1» — тех, кто оправдывает хотя бы в минимальной степени не менее одного компонента индекса индивидуального выбора. Затем мы использовали логистическую регрессию для анализа факторов, которые отличают эти две категории респондентов.

В качестве второго этапа мы проводим регрессионный анализ тех респондентов, которые, хоть и в разной степени, принимают индивидуальный выбор. Другими словами, мы исключаем все нули и проводим регрессионный анализ на оставшейся части выборки. Такой анализ помогает нам идентифицировать факторы, которые влияют на взгляды в отношении семьи и сексуального поведения для тех, кто не придерживается радикальных консервативных взглядов. Мы применяем линейную регрессию на этом этапе по той причине, что зависимая переменная после очистки от нулей имеет распределение, близкое к нормальному. Однако мы также проводим дополнительную проверку, используя тобит-регрессию, подходящие для распределения изначального индекса.

На каждом этапе в модели были включены обе меры национализма с одинаковыми контролями.

Таблица 2. Общественная статистика

ВВП на д.л. ^а	Основные религии ^б	Распространенность контрацептивов ^с	Общий уровень рождаемости ^с	Процент летальных абортов ^е	Процент разводов (общий) ^д
Армения \$3,990	Армянская апостольская церковь 42,6% Евангельские христиане 1% Другие 2,4%	55%	1,6	21,77%	1%
Азербайджан \$7,890	Мусульмане 95,4% Другие 4,6% Армянская апостольская церковь 2,5% Армянская апостольская церковь 2,3% NE: религиозная принадлежность, преимущественно номинативная; Религиозные показатели являются более низкими	55%	2,0	13,77%	1,2%
Белоруссия \$8,418	Православная церковь 80% Другие (включая католиков, протестантов, и мусульман) 20%	63%	1,7	20,9%	3,8% (группы в мире)
Грузия \$4,438	Православная церковь 83,4% Мусульмане 10,7% Армянская апостольская церковь 3,9% Религиозная принадлежность 0,8%	53%	2,0	35,57%	1,6%
Эстония \$20,247	Другие 12,8% Православная церковь 54,1% Лютеране 9,91% Другие 19,8%	65%	1,5	27,3%	2,5%
Казахстан \$12,807	Мусульмане 70,2% Христиане 26,2% (в основном - Русская православная церковь) Другие 0,2%	56%	2,7	17,31%	3,0%
Киргизия \$1,280	Мусульмане 75% Православная церковь 20% Другие 5%	42%	3,2	8,23%	1,6%
Россия \$14,100	Мусульмане 15-20% Другие 10-15% Другие верги христианства 2% NE: данные о practicing верующих; в России проживает большое количество неправых верующих и повзрослевших	68%	1,8	32,32%	4,5% (самый высокий в мире)
Украина \$3,104	Православная церковь (Московский Патриархат) и Киевский патриархат) Украинская грекокатолическая церковь 8-10% УАПЦ 1-2% Мусульмане менее 1% Буден менее 1% Другие 1%	65%	1,5	19,95%	3,6%
Узбекистан \$2,492	Мусульмане 98% (в основном сунниты) Православные 9% Другие 3%	65%	2,5	5,4 %	0,8%

^аThe World Bank Data, 2014
^бFacebook 2014 data
^сThe World Bank Data, 2014
^дThe World Bank Data, 2014
^еJohnsons Archive:Abortion statistics and other data, 2014
 IUN 2013-2014 data. Crude divorce rate. <https://unstats.un.org/unsd/demographic/products/dyb/dyb2014/Tabble24.pdf>

Результаты

Бинарные логистические регрессии

В качестве первого шага мы используем логистическую регрессию для оценки предикторов радикально консервативных установок. В результате оказалось довольно сложно определить какие-либо общие предикторы, которые были бы значимы для всех или хотя бы для большинства стран в выборке (см. табл. 3, 4).

Например, высшее образование сокращает вероятность радикально-го осуждения абортов, разводов и добрачного секса только в Армении,

Таблица 3. Бинарные логистические регрессии (продолжение на следующей странице)

	Зависимая переменная:				
	Бинаризованный индекс:	1 - 'никогда не может быть одобрено' для всех трёх вопросов;	(Бел)	(Эст)	(Груз)
	(Арм)	(Аз)	(Бел)	(Эст)	(Груз)
Образование (Высшее)	-0.707*** (0.157) t = -4.497	-0.640*** (0.144) t = -4.443	-0.582** (0.227) t = -2.564	-0.566* (0.344) t = -1.646	-0.308** (0.147) t = -2.093
Пол (женский)	-0.384*** (0.147) t = -2.610	-0.172 (0.136) t = -1.262	-0.109 (0.221) t = -0.496	-0.152 (0.320) t = -0.476	-0.263* (0.139) t = -1.895
Возраст	0.010** (0.004) t = 2.430	0.007 (0.004) t = 1.617	0.025*** (0.006) t = 4.214	0.020** (0.009) t = 2.257	0.007* (0.004) t = 1.838
Посещение храма	0.003 (0.041) t = 0.081	-0.086** (0.040) t = -2.159	-0.146** (0.069) t = -2.096	-0.588*** (0.092) t = -6.360	-0.039 (0.043) t = -0.910
Брачный статус (разведен(а))	0.063 (0.395) t = 0.161	-1.830*** (0.611) t = -2.997	-1.576** (0.725) t = -2.173	-0.469 (0.619) t = -0.757	-1.358** (0.610) t = -2.226
Очень горд быть [национальность]			Baseline		
Довольно горд	-0.355** (0.170) t = -2.086	-0.260 (0.179) t = -1.453	-0.840*** (0.231) t = -3.638	-0.261 (0.341) t = -0.767	-1.024*** (0.215) t = -4.758
Не горд	-0.556 (0.456) t = -1.218	-0.238 (0.253) t = -0.940	-0.943*** (0.361) t = -2.615	-1.128** (0.462) t = -2.443	-0.481 (0.436) t = -1.104
Я не [национальность]	-0.254 (0.883) t = -0.287		-0.207 (0.375) t = -0.553		-12.050 (324.744) t = -0.037
цели страны (силы обороны)	-0.113 (0.149) t = -0.755	0.242 (0.174) t = 1.394	-0.082 (0.454) t = -0.180	0.120 (0.517) t = 0.231	-0.271 (0.198) t = -1.371
Наблюдения	935	998	1,495	1,312	1,115
Log Likelihood	-597.819	-628.813	-855.146	-186.338	-622.767
Инф. крит. Акаике	1,215.637	1,275.625	730.291	390.676	1,265.535
Residual Deviance	1,195.637 (df = 925)	1,257.625 (df = 989)	710.291 (df = 1485)	372.676 (df = 1303)	1,245.535 (df = 1105)
Null Deviance	1,237.506 (df = 934)	1,310.663 (df = 997)	780.693 (df = 1494)	437.630 (df = 1311)	1,296.570 (df = 1114)

NB: *p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01

Таблица 4. Бинарные логистические регрессии (продолжение, начало на предыдущей странице)

	Зависимая переменная:				
	Бинаризованный индекс:		0 - хотя бы один положительный ответ;		
	(Каз)	(Кыр)	(Рос)	(Укр)	(Узб)
Образование (высшее)	-0.171 (0.148) t = -1.156	-0.105 (0.119) t = -0.884	0.030 (0.207) t = 0.143	-0.299 (0.229) t = -1.306	-0.276 (0.171) t = -1.617
Пол (женский)	-0.125 (0.140) t = -0.888	-0.059 (0.117) t = -0.504	0.124 (0.200) t = 0.620	-0.204 (0.200) t = -1.019	0.023 (0.121) t = 0.189
Возраст	0.011** (0.005) t = 2.517	-0.003 (0.004) t = -0.759	0.021*** (0.006) t = 3.807	0.030*** (0.006) t = 5.367	-0.007 (0.004) t = -1.629
Посещение храма	-0.014 (0.039) t = -0.345	0.013 (0.027) t = 0.480	-0.240*** (0.057) t = -4.204	-0.180*** (0.064) t = -2.820	0.038 (0.038) t = 0.992
Брачный статус (разведен(а))	-0.484 (0.319) t = -1.517	-0.177 (0.362) t = -0.488	-0.150 (0.282) t = -0.532	-0.975** (0.470) t = -2.074	-1.068*** (0.392) t = -2.726
Очень горд(а) быть [национальностью]			Baseline		
Довольно горд(а)	-0.418*** (0.162) t = -2.578	0.009 (0.116) t = 0.078	-0.301 (0.206) t = -1.462	-0.299 (0.222) t = -1.345	-0.742*** (0.213) t = -3.493
Не горд(а)	-0.902** (0.441) t = -2.046	-0.113 (0.288) t = -0.395	-0.222 (0.272) t = -0.816	-0.702** (0.284) t = -2.474	-0.559 (0.826) t = -0.677
Я не [национальность]	0.260 (1.118) t = 0.233	-13.960 (394.633) t = -0.035	-12.828 (578.771) t = -0.022	-0.162 (0.381) t = -0.424	
дели государства (силы обороны)	0.123 (0.248) t = 0.495	0.649*** (0.167) t = 3.874	0.699*** (0.258) t = 2.706	0.050 (0.549) t = 0.092	-0.351* (0.191) t = -1.840
Религия (мусульманство)			Baseline		
Религия (нет)	-0.586*** (0.194) t = -3.022				
Религия (христианство)	-0.838*** (0.191) t = -4.387				
Наблюдения	1.493	1.427	1.890	1.448	1.339
Log Likelihood	-678.043	-922.763	-448.986	-397.054	-846.088
Инф. крит. Акаике	1.380.087	1.865.566	917.972	814.108	1.710.177
Residual Deviance	1.356.087 (df = 1481)	1.845.566 (df = 1417)	897.972 (df = 1880)	794.108 (df = 1438)	1.692.177 (df = 1330)
Null Deviance	1.414.412 (df = 1492)	1.867.463 (df = 1426)	946.813 (df = 1889)	856.001 (df = 1447)	1.729.299 (df = 1338)

***p<0.01; **p<0.05; *p<0.1

Азербайджане, Белоруссии и в меньшей степени Грузии; небольшой и практически незначительный эффект можно обнаружить в Эстонии; высшее образование совсем не влияет на ценности индивидуального выбора в остальных пяти странах.

Гендер оказался значимым фактором только в Армении, где женщины менее склонны поддерживать радикальные консервативные взгляды.

Возраст ассоциируется с большей вероятностью поддержки радикальных консервативных ценностей в Белоруссии, России и Украине. В Армении, Эстонии и Казахстане он имеет более низкий, но тем не менее значительный, позитивный эффект. В Азербайджане, Грузии, Кыргызстане и Узбекистане между представителями младших и старших поколений не было обнаружено значительной разницы в вероятности наличия радикальных консервативных взглядов в отношении аборт, разводов и секса до брака.

Более частое посещение церкви повышает вероятность радикального отрицания ценностей индивидуального выбора в Эстонии, России и Украине, а также в Азербайджане и Белоруссии, но в меньшей степени.

Что касается брачного статуса, то разведенные люди с меньшей вероятностью будут осуждать аборт, разводы и добрачный секс в Азербайджане и Узбекистане, это также имеет место в Белоруссии, Грузии и Украине.

В случае Казахстана мусульмане чаще, чем христиане и нерелигиозные люди (между этими двумя категориями нет значительной разницы), выступают против всех трех практик.

Значительный эффект национальной гордости в различных вариантах моделей был найден для Армении, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Узбекистана и в меньшей степени для Украины и Эстонии (в обеих странах существует разница между категориями «очень горд» и «не горд»). Однако в тех странах, где национальная гордость не оказалась значимой, работала другая переменная. Те, кто полагают, что сильная оборонная мощь должна быть основной национальной целью, более склонны осуждать все три практики в Кыргызстане и России.

Такие переменные, как использование медиа, занятость, личные цели, готовность сражаться за свою страну, базовые ценности (измеренные по методике Ш. Шварца), финансовая удовлетворенность и доход, были протестированы и исключены из моделей, так как они имели низкую объяснительную силу и не являлись статистически значимыми в большинстве стран.

Таблица 5. Линейные регрессии (продолжение на следующей странице)

	Зависимая переменная:				
	Индекс (одобрение абортов, разводов и секса до брака), нули исключены	(Арм)	(Аз)	(Бел)	(Эст)
Образование (высшее)	0.550*** (0.125) t = 4.392	0.200 (0.122) t = 1.639	0.299*** (0.105) t = 2.844	0.398*** (0.121) t = 3.301	0.493*** (0.095) t = 5.207
Пол (женский)	-0.009 (0.131) t = -0.067	0.050 (0.123) t = 0.408	0.360*** (0.112) t = 3.224	0.224* (0.118) t = 1.905	0.131 (0.093) t = 1.412
Возраст	-0.006* (0.004) t = -1.804	-0.003 (0.004) t = -0.592	-0.022*** (0.003) t = -7.061	-0.026*** (0.003) t = -8.022	-0.006** (0.003) t = -2.205
Посещение храма	-0.027 (0.036) t = -0.764	0.008 (0.037) t = 0.230	0.219*** (0.036) t = 6.156	0.171*** (0.042) t = 4.096	0.034 (0.028) t = 1.186
Брачный статус (разведен(а))	0.635* (0.330) t = 1.925	1.013*** (0.265) t = 3.826	0.560*** (0.180) t = 3.108	0.572*** (0.204) t = 2.798	0.493** (0.229) t = 2.153
Очень горд быть [национальностью]			Baseline		
Довольно горд	0.070 (0.141) t = 0.496	0.224 (0.150) t = 1.494	-0.094 (0.123) t = -0.766	0.040 (0.147) t = 0.272	0.067 (0.111) t = 0.601
Не горд	0.607* (0.330) t = 1.838	0.181 (0.215) t = 0.841	0.761*** (0.158) t = 4.814	0.268 (0.167) t = 1.606	1.090*** (0.256) t = 4.266
Я не [национальностью]	-0.109 (0.721) t = -0.151		-0.411* (0.234) t = -1.759		2.332* (1.308) t = 1.783
цели государства (силы обороны)	-0.224* (0.128) t = -1.754	-0.412** (0.162) t = -2.552	-0.095 (0.242) t = -0.393	-0.347 (0.235) t = -1.480	0.119 (0.126) t = 0.950
Наблюдения	573	621	1,312	1,160	810
R ²	0.062	0.046	0.126	0.095	0.079
Adjusted R ²	0.047	0.034	0.120	0.089	0.068
Residual Std. Error	1.425 (df = 563)	1.496 (df = 612)	1.878 (df = 1302)	1.941 (df = 1151)	1.302 (df = 800)

NB: *p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01

Таблица 6. Линейные регрессии (продолжение, начало на предыдущей странице)

	Зависимая переменная:					
	Индекс (одобрение абортов, разводов и секса до брака), нули исключены	(Каз)	(Кыр)	(Рос)	(Укр)	(Узб)
Образование (Высшее)	-0.393*** (0.127) t = -3.084	0.341*** (0.126) t = 2.702	0.077 (0.113) t = 0.682	0.250** (0.123) t = 2.031	0.433** (0.173) t = 2.503	
Пол (женский)	0.181 (0.125) t = 1.454	-0.124 (0.123) t = -1.013	0.257** (0.110) t = 2.346	-0.008 (0.120) t = -0.063	0.266** (0.131) t = 2.036	
Возраст	-0.011*** (0.004) t = -2.707	-0.009** (0.004) t = -2.151	-0.015*** (0.003) t = -4.960	-0.021*** (0.003) t = -6.450	-0.002 (0.004) t = -0.478	
Посещение храма	0.063* (0.035) t = 1.823	0.089*** (0.029) t = 3.071	0.194*** (0.034) t = 5.801	0.086** (0.038) t = 2.289	-0.176*** (0.040) t = -4.356	
Брачный статус (разведен(а))	0.454** (0.219) t = 2.075	-0.069 (0.368) t = -0.186	0.486*** (0.154) t = 3.163	1.026*** (0.190) t = 5.410	0.709** (0.288) t = 2.464	
Очень горд быть [национальностью]			Baseline			
Довольно горд	0.095 (0.134) t = 0.707	-0.095 (0.124) t = -0.767	0.342*** (0.120) t = 2.849	0.538*** (0.144) t = 3.736	0.369** (0.184) t = 2.007	
Не горд	0.524* (0.274) t = 1.915	0.889*** (0.311) t = 2.863	0.719*** (0.153) t = 4.683	0.879*** (0.159) t = 5.515	0.193 (0.756) t = 0.255	
Я не [национальность]	-0.005 (0.929) t = -0.006	0.272 (0.798) t = 0.341	-0.746 (0.867) t = -0.860	0.725*** (0.253) t = 2.864		
цели государства (силы обороны)	0.264 (0.226) t = 1.167	0.296 (0.212) t = 1.399	-0.248 (0.182) t = -1.364	-0.103 (0.352) t = -0.293	-0.144 (0.190) t = -0.757	
Религия (Христианство)			Baseline			
Религия (Мусульманство)	-0.413*** (0.151) t = -2.743					
Религия (нет)	-0.474*** (0.180) t = -2.634					
Наблюдения	1.173	893	1.650	1.260	863	
R ²	0.035	0.043	0.059	0.092	0.047	
Adjusted R ²	0.026	0.033	0.053	0.085	0.038	
Residual Std. Error	2.052 (df = 1161)	1.769 (df = 883)	2.106 (df = 1640)	2.013 (df = 1250)	1.839 (df = 854)	

$^*p < 0.1$; $^{**}p < 0.05$; $^{***}p < 0.01$

Линейные регрессии

Линейные регрессионные модели были использованы на втором этапе анализа, поскольку распределение зависимой переменной после удаления нулей было близко к нормальному. Так же как это было сделано на первом этапе, мы построили отдельные модели для каждой страны. В этих моделях мы оценивали влияние различных факторов на ценности индивидуального выбора среди тех, кто хотя бы в минимальной степени допускает, что аборт, разводы и секс до брака иногда могут быть оправданы (см. табл. 5, 6).

Люди с высшим образованием, как правило, более терпимы в Армении, Белоруссии, Эстонии, Грузии и Кыргызстане; а также в Украине и Узбекистане, но в меньшей степени, в Азербайджане данный эффект отсутствует. В Казахстане высшее образование имеет отрицательный эффект.

Мы вновь обнаружили, что женщины имеют тенденцию выражать более либеральные взгляды, чем мужчины, в отношении ценностей индивидуального выбора только в некоторых обществах — в Белоруссии и в меньшей степени в России и Узбекистане.

Люди более молодого возраста чаще одобряют аборт, разводы и добрый секс во всех странах, за исключением Армении, Азербайджана и Узбекистана. Данный эффект слабо выражен в Грузии и Кыргызстане.

Посещение храма значимо в Белоруссии, Эстонии, Кыргызстане, России и Украине. В Узбекистане эта переменная имеет противоположный эффект (те, кто чаще посещает мечеть, менее склонны осуждать индивидуальный выбор). В Казахстане христиане с большей вероятностью будут одобрять ценности индивидуального выбора, чем мусульмане.

Разведенные люди являются гораздо менее консервативными, чем все остальные группы (за исключением Армении и Кыргызстана), а различия между овдовевшими, незамужними (неженатыми), сожителями и состоящими в браке во всех странах выборки отсутствовали (по этой причине на данном этапе мы объединили все вышеупомянутые группы в одну категорию).

Национальная гордость является значимой для Белоруссии, Грузии, Кыргызстана, России и Украины. Слабый, но тем не менее значимый эффект был найден в Узбекистане. Поддержка сильной оборонной мощи была значимой только в Азербайджане.

Обсуждение

Постсоветские страны значительно отклоняются от теоретических прогнозов относительно их позиций в отношении абортов, разводов и сек-

са до брака. Эти ценности, названные К. Вельцелем «ценностями индивидуального выбора» и являющиеся частью его эмансипационного индекса в пересмотренной теории модернизации, должны быть выше, чем те, что показывают наши данные для десяти постсоветских обществ. Однако распространенное порицание этих практик, демонстрируемое в опросах, скорее всего, не имеет отношения к реальности, в которой аборт, развод и добрачный секс были нормализованы с ранних лет существования Советского Союза. Несмотря на снижение количества аборт и рост использования контрацепции с 1991 г., аборт до сих пор остаются распространенным методом контроля над рождаемостью, в частности в Казахстане. Различия во взглядах на аборт до сих пор сохраняются между этническими казахами и другими гражданами Казахстана, так как последние чаще обращаются в медицинские клиники за абортами (Agadjanian 2002). В конце 1990-х — начале 2000-х годов снижение количества аборт в странах бывшего Советского Союза сопровождалось значительным снижением рождаемости и желаемым числом детей. Больше всего аборт в начале 2000-х годов было зарегистрировано в Армении, Азербайджане и Грузии, где на каждую женщину приходилось примерно три аборт. Согласно официальным данным, на одну женщину в Казахстане, Кыргызстане, России и Украине приходится приблизительно по 1,5 аборт. В Узбекистане это количество меньше, чем один аборт на одну женщину. В этих странах, так же как и в других государствах Восточной Европы и Центральной Азии, к абортам прибегают женщины, состоящие в браке и желающие контролировать рождаемость после рождения одного или двух детей (Westoff 2005).

Несмотря на то что аборт, развод и секс до брака до сих пор широко распространены (в той же степени, что и среди более старших поколений во времена Советского Союза), население постсоветского пространства высказывает довольно консервативные взгляды, которые противоречат их поведению. Мы полагаем, что не все респонденты честно отвечают на эти острые вопросы в любом культурном и политическом контексте, но это особенно проявляется в странах бывшего Советского Союза, в котором взгляды, отличающиеся от общепринятых, карались (а в некоторых случаях до сих пор преследуются) законом. Как бы то ни было, результаты опроса показывают веру людей в то, что эти практики осуждаются или должны осуждаться в их обществах.

Что касается предикторов консервативных установок в десяти постсоветских обществах, мы обнаружили, что в большинстве стран бывшего СССР национализм является более сильным и более адекватным предиктором нетерпимого отношения к абортам, разводам и добрачному

сексу, чем такие традиционные факторы, как пол, религиозность и даже образование. Более того, в России, Кыргызстане и Азербайджане респонденты, поддерживающие мнение о том, что сильная оборонная мощь должна быть главной целью их государства, — это те, кто ни при каких условиях не одобряет аборт, разводы и добрачный секс. Для людей в Армении, Белоруссии, Грузии и Узбекистане гордость за свою страну ассоциируется с наименьшей поддержкой установок индивидуального выбора.

В данном анализе мы не подразумевали, что регрессионное моделирование однозначно решит проблему причинно-следственных связей, для этого нужны более сложные методы и желательно временные ряды. Однако, как показывают исследования на примере России, за последние 20 лет национальная гордость возросла чрезвычайно, притом что базовые ценности (например, постматериализм) почти не менялись (Ponarin, Komin 2018). Поэтому корреляция национализма и ценностей индивидуального выбора вряд ли в данном случае опосредованы изменением базовых ценностей.

Полученные результаты могут быть интерпретированы следующим образом. Мы полагаем, что в большинстве постсоветских стран отрицание индивидуального выбора связано с националистическими чувствами. После распада Советского Союза и появления новых государств гендерное равенство стало ассоциироваться с неудавшимся советским проектом и было отвергнуто в пользу консервативных дискурсов, предусматривающих «возвращение к корням» как часть процесса национального строительства, зачастую в рамках постколониализма. «Дискуссии о рождаемости, росте населения, аборте, контрацепции, репродуктивных правах, исчезновении, уничтожении генетического фонда и так далее всегда включаются в процесс государственного строительства» (Гапова 2007). Данные процессы национального строительства сопровождаются перераспределением властных позиций и ресурсов между формирующимися политическими и экономическими элитами. Таким образом, гендер используется в качестве инструмента в процессе перераспределения власти. Традиционализм элит и дискурс возвращения к корням и к «золотому веку» нации служит мощным легитимирующим инструментом для мужчин и политических элит, обеспечивающим их политическое господство и политическую поддержку граждан. Политические элиты подчеркивают важность ценностей защиты жизни и включают их в свою идеологию национального строительства и национального возрождения.

Государства — наследники Советского Союза намеревались изменить советский гендерный порядок, что имело экономическое обоснование. Например, Горбачев во время перестройки утверждал, что параллельно с демократизацией для освобождения женщин от двойной нагрузки необходи-

мо «вернуть их на свое подлинное место» — домой. Гапова полагает, что сочетание гендерного консерватизма с рыночной экономикой оправдывало закрытие советских детских садов, домов престарелых, отмену бесплатной медицины, а также использование женского домашнего труда в сферах, которые раньше обеспечивало государство (Гапова 2002). Более того, в последние 20 лет российские политические элиты не стали поддерживать эмансипационные ценности (Zimmerman et al. 2013). Этот консервативный публичный дискурс был простым и эффективным, так как он не требовал ресурсов и помогал новым государствам дистанцироваться от «аморально-го» советского прошлого и «деградировавших» западных стран.

Основной вывод, который мы можем сделать на основании этих данных, заключается в том, что *двоемыслие* или несоответствие между публичной позицией и частными практиками — постсоветская привычка, унаследованная от советского прошлого, — все еще присутствует во многих обществах на пространстве бывшего СССР. По этой причине мы полагаем, что вопросы индивидуального выбора в постсоветских обществах не должны интерпретироваться так же, как в развитых странах. В частности, они могут быть связаны с принятием национальной идеологии, продвигаемой национальными элитами.

Выражение благодарности

Статья поддержана грантом Российского научного фонда No 19-18-00446 «Социальные основания «консервативного поворота» в европейской и российской политике (на материалах Всемирного исследования ценностей)»

Литература

Гапова Е. (2005) О гендере, нации и классе в посткоммунизме. *Гендерные исследования*, 13: 35–48.

Гапова Е. (2007) Гендер и постсоветские нации: личное как политическое. *Ab Imperio*, 1: 309–328.

Мур Б. (2016) *Социальные истоки диктатуры и демократии. Роль помещика и крестьянина в создании современного мира*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Кондаков А. (2013) Гомосексуальность и общественное мнение в России: от негативных оценок до безразличия. *Демоскоп Weekly*: 565–566.

Пронкина Е.С. (2016) Особенности ЛГБТ-дискурса в российских медиа, инициированного дискуссиями о регулировании сексуальности. *Журнал исследований социальной политики*, 14(1): 71–86.

Темкина А.А. (2008) *Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой*. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге.

Темкина А. (2005) Гендерный порядок: постсоветские трансформации (Северный Таджикистан). С.Р. Касымова (ред.) *Гендер: традиции и современность*. Душанбе: 6–92.

Темкина А. (2010) Добрачная девственность: культурный код гендерного порядка в современной Армении (на примере Еревана). *Лабораториум*, 1: 129–159.

Agadjanian V. (2002) Is 'abortion culture' fading in the former Soviet Union? Views about abortion and contraception in Kazakhstan. *Studies in family planning*, 33(3): 237–248.

Agadjanian A. (2006) The search for privacy and the return of a grand narrative: Religion in a post-communist society. *Social Compass*, 53(2): 169–184.

Ashwin S. (2000) Introduction: Gender, state, and society in Soviet and post-Soviet Russia. S. Ashwin (eds.) *Gender, state, and society in Soviet and post-Soviet Russia*. L.; N.Y.: Psychology Press.

Akiner S. (1997) Between tradition and modernity: the dilemma facing contemporary Central Asian women. M. Buckley (eds.) *Post-Soviet Women: From the Baltic to Central Asia*. Cambridge University Press: 261–304.

Alexander A., Welzel C. (2011) Islam and patriarchy: how robust is Muslim support for patriarchal values? *International Review of Sociology*, 21(2): 249–276.

Anthias F., Yuval-Davis N. (1989) *Woman-nation-state*. N.Y.: Springer.

Brubaker R. (1996) *Nationalism reframed: Nationhood and the national question in the new Europe*. N.Y.: Cambridge University Press.

Clech A. (2018) Between the Labor Camp and the Clinic: Tema or the Shared Forms of Late Soviet Homosexual Subjectivities. *Slavic Review*, 77(1): 6–29.

Cleuziou J., Drenberger L. (2016) Gender and nation in post-Soviet Central Asia: from national narratives to women's practices. *Nationalities Papers*, 44(2): 195–206.

Coleman E., Sandfort T. (2014) *Sexuality and gender in postcommunist Eastern Europe and Russia*. L.; N.Y.: Routledge.

Davie G. (1994) *Religion in Britain since 1945: Believing without belonging*. N.Y.: Wiley-Blackwell.

Eisenstadt S. N. (2000) Multiple modernities. *Daedalus*, 129(1): 1–29.

Esping-Andersen G. (1996) *Welfare states in transition: National adaptations in global economies*. N.Y.: Sage.

Fathi H. (2006) Gender, Islam, and social change in Uzbekistan. *Central Asian Survey*, 25(3): 303–317.

Fitzpatrick S. (2000) *Everyday Stalinism: ordinary life in extraordinary times: Soviet Russia in the 1930s*. Oxford: Oxford University Press.

Johnson J. E., Saarinen A. (2013) Twenty-first-century feminisms under repression: Gender regime change and the women's crisis center movement in Russia. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 38(3): 543–567.

Johnston R. (2018) *Historical abortions statistics, Russia* [http://www.johnstonsarchive.net/policy/abortion/ab-russia.html] (дата обращения: 20.09.2019).

Hann C., Pelkmans M. (2009) Realigning religion and power in Central Asia: Islam, nation-state and (post) socialism. *Europe-Asia Studies*, 61(9): 1517–1541.

Hagemeister M., Menzel B. (2012) *The New Age of Russia. Occult and Esoteric Dimensions*. Frankfurt am M.: Peter Lang GmbH.

Handrahan L. (2001) Gender and ethnicity in the 'transitional democracy' of Kyrgyzstan. *Central Asian Survey*, 20(4): 467–496.

Heyat F. (2004) Re-Islamisation in Kyrgyzstan: gender, new poverty and the moral dimension. *Central Asian Survey*, 23(3–4): 275–287.

Heyzer N. (2001) *Globalization, Gender Equality and State Modernization*. Penang: Third World Network.

Inglehart R. (1997) *Modernization and postmodernization: Cultural, economic, and political change in 43 societies*. New Jersey: Princeton University Press.

Inglehart R., Baker W. (2000) Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. *American Sociological Review*, 65(1): 19–51.

Inglehart R., Norris P. (2003) *Rising Tide: Gender Equality and Cultural Change Around the World*. N.Y.: Cambridge University Press.

Inglehart R., Welzel C. (2005) *Modernization, cultural change, and democracy: The human development sequence*. N.Y.: Cambridge University Press.

Inglehart R., Ponarin E., Inglehart R. (2017) Cultural change, slow and fast: The distinctive trajectory of norms governing gender equality and sexual orientation. *Social Forces* 95(4): 1313–1340.

Inkeles A., Smith D. (1974) *Becoming Modern*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

Gal S. (1994) Gender in the post-socialist transition: The abortion debate in Hungary. *East European Politics and Societies*, 8(2): 256–286.

Gapova E. (2002) On nation, gender, and class formation in Belarus and elsewhere in the post-Soviet world. *Nationalities Papers*, 30(4): 639–662.

Gautier M. (1997) Church attendance and religious belief in postcommunist societies. *Journal for the Scientific Study of Religion*: 289–296.

Gelman A., Hill J. (2006) *Data analysis using regression and multi-level/hierarchical models*. N.Y.: Cambridge University Press.

Gulevich O., Osin E., Isaenko N., Brainis L. (2018) Scrutinizing Homophobia: A model of perception of homosexuals in Russia. *Journal of homosexuality*, 65(13): 1838–1866.

Kandiyoti D. (2007) The politics of gender and the Soviet paradox: neither colonized, nor modern? *Central Asian Survey*, 26(4): 601–623.

Khalid A. (2008) *Islam after communism: religion and politics in Central Asia*. Berkeley: University of California Press.

Koch N. (2011) Security and gendered national identity in Uzbekistan. *Gender, Place & Culture*, 18(4): 499–518.

Kollontai A. (1977) Theses on communist morality in the sphere of marital relations. *Selected writings*. N.Y.: WW Norton.

Luehrmann S. (2013) The spirit of late socialism and the value of transformation. Brezhnevism through the lens of post-Soviet religious revival. *Cahiers du monde russe*, 54(54/3-4): 543-563.

Mahon R., Williams F. (2007) Gender and state in post-communist societies: Introduction. *Social Politics* 14(3): 281-283.

Marsh R. (2004) Women in contemporary Russia and the former Soviet Union. W. Miller (eds.) *Women, ethnicity and nationalism: The politics of transition*. L.; N.Y.: Routledge.

Mayer T. (eds.) (2012) *Gender ironies of nationalism: Sexing the nation*. L.; N.Y.: Routledge.

Megoran N. (1999) Theorizing gender, ethnicity and the nation-state in Central Asia. *Central Asian Survey*, 18(1): 99-110.

Meuleman B., Billiet J. (2010) Religious Involvement: Its Relation to Values and Social Attitudes. E. Davidov, P. Schmidt, J. Billiet, B. Meuleman (eds.) *Cross-cultural Methods and Applications*. L.: Taylor & Francis: 175-208.

Moore L., Vanneman R. (2003) Context matters: Effects of the proportion of fundamentalists on gender attitudes. *Social Forces*, 82(1): 115-139.

Mostov J. (2012) Sexing the nation/desexing the body: Politics of national identity in the former Yugoslavia. T. Mayer (eds.) *Gender Ironies of Nationalism*. L.; N.Y.: Routledge: 103-125.

Norris P. (2009) Why do Arab states lag the world in gender equality? *HKS Faculty Research Working Paper Series RWP09-020*. John F. Kennedy School of Government, Harvard University.

Novokmet F., Piketty T., Zucman G. (2018) From Soviets to oligarchs: inequality and property in Russia 1905-2016. *The Journal of Economic Inequality*, 16(2): 189-223.

Ponarin E., Komin M. (2018) The Russian elite's imperial nationalism and the Russian society: The emergence of a grand consensus. *Sociology Compass*, 12(12): 1-16.

Rotkirch A., Temkina A., Zdravomyslova E. (2007) Who helps the degraded housewife? Comments on Vladimir Putin's demographic speech. *European Journal of Women's Studies*, 14(4): 349-357.

Roxborough I. (1988) Modernization Theory Revisited. *Contemporary Studies of Society and History*, 30(4): 753-762.

Riabov O., Riabova T. (2014) The remasculinization of Russia? Gender, nationalism, and the legitimation of power under Vladimir Putin. *Problems of Post-communism*, 61(2): 23-35.

Rueschemeyer M. (2016) *Women in the politics of post-communist Eastern Europe*. L.; N.Y.: Routledge.

Scott C. (1995) *Gender and Development: Rethinking Modernization and Dependency Theory*. Boulder, Colorado: Lynne Rienner Publishers.

Sen A. (1999) *Development as freedom*. Oxford: Oxford University Press.

Smyth L. (1998) Narratives of Irishness and the problem of abortion: the X case 1992. *Feminist Review*, 60(1): 61-83.

Sokolov B. (2018) The Index of Emancipative Values: Measurement Model Misspecifications. *American Political Science Review*, 112(2): 395–408.

Sokolov B., Inglehart R., Ponarin E., Vartanova I., Zimmerman W. (2018) Disillusionment and Anti-Americanism in Russia: From Pro-American to Anti-American Attitudes, 1993-2009. *International Studies Quarterly*, 62(3): 534–547.

Spierings N., Smits J., Verloo M. (2009) On the compatibility of Islam and gender equality. *Social Indicators Research*, 90(3): 503–522.

Spina N. (2016) The religious authority of the Orthodox Church and tolerance toward homosexuality. *Problems of Post-Communism*, 63(1): 37–49.

Spohn W. (2003) Multiple modernity, nationalism and religion: a global perspective. *Current sociology*, 51(3): 265–286.

Suny R. (2000) Provisional stabilities: the politics of identities in post-Soviet Eurasia. *International Security*, 24(3): 139–178.

Surucu C. (2002) Modernity, nationalism, resistance: identity politics in post-Soviet Kazakhstan. *Central Asian Survey*, 21(4): 385–402.

Tohidi N. (1997) The intersection of gender, ethnicity and Islam in Soviet and post-Soviet Azerbaijan. *Nationalities Papers*, 25(1): 147–167.

Vishnevsky A. (2009) The Challenges of Russia's Demographic Crisis. *Russia. NEI. Visions*, 41.

Welzel C. (2013) *Freedom rising*. Cambridge, England: Cambridge University Press.

World Values Survey: Round Six — Country-Pooled Datafile 2010–2014 (2014) R. Inglehart, C. Haerper, A. Moreno, C. Welzel, K. Kizilova, J. Diez-Medrano, M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin & B. Puranen et al. (eds.) Madrid: JD Systems Institute [<http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp>] (дата обращения: 08.11.2018).

Westoff C. (2005) Recent trends in abortion and contraception in 12 countries. *DHS Analytical studies*, 8.

Widmer E., Treas J., Newcomb R. (1998) Attitudes toward non-marital sex in 24 countries. *Journal of Sex Research* 35(4): 349–358.

Young K. (2013) Modes of appropriation and the sexual division of labour: a case study from Oaxaca, Mexico. A. Kuhn, A. Wolpe (eds.) *Feminism and Materialism (RLE Feminist Theory): Women and Modes of Production*. Routledge: 124–155.

Yurchak A. (2013) *Everything was forever, until it was no more: The last Soviet generation*. New Jersey: Princeton University Press.

Yuval-Davis N. (1997) Women, citizenship and difference. *Feminist review*, 57(1): 4–27.

Yuval-Davis N. (2004) *Gender and nation*. L.; N.Y.: Routledge.

Zdravomyslova E. (2001) Hypocritical sexuality of the late Soviet period: Sexual knowledge and sexual ignorance. S. Webber, I. Liikanen (eds.) *Education and civic culture in Post-Communist countries*. L.: Palgrave Macmillan: 151–167.

Zimmerman W., Inglehart R., Ponarin E., Lazarev Y., Sokolov B., Vartanova I., Turanova I. (2013) *Russian Elite-2020: Valdai Discussion Club*. Grantees Analytical Report, 3042. Moscow: Valdai Discussion Club.

NATIONAL PRIDE AND INDIVIDUAL-CHOICE ATTITUDES IN TEN POST-SOVIET COUNTRIES

Sofia Lopatina^a, Veronica Kostenko^b,
Eduard Ponarin^b (eponarin@hse.ru)

^a Max Planck Institute for Social Anthropology, Halle, Germany

^b Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia

Citation: Lopatina S., Kostenko V, Ponarin E. (2019) Natsional'naya gordost' i tsennosti individual'nogo vybora v 10 postsovetskikh stranakh [National Pride and Individual-Choice Attitudes in Ten Post-Soviet Countries]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 22(4): 166–201. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.4.7> (in Russian).

Abstract. This study analyses individual-choice attitudes measured as justifiability of abortions, divorces, and pre-marital sex in ten post-Soviet countries: Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan in Central Asia, Azerbaijan, Armenia, and Georgia in the Caucasus, as well as Belarus, Russia, and Ukraine, and Estonia. We show that individual-choice values in those countries are not in all cases associated with younger age, female gender, higher education, higher living standards, and urban settings. In post-Soviet countries the rejection or support for individual choice is conditioned by the degree of a respondents' national pride rather than socio-demographic characteristics.

Keywords: nation's construction, values of individual choice, World Values Research, cross-cultural values research, conservative turn.

Acknowledgements

The article was supported by the grant of the Russian Science Foundation No 19-18-00446 "The social drivers of the 'conservative turn' in Russian and European politics (based on the World Values Survey)". We thank Nikita Zubarev.

References

- Agadjanian V. (2002) Is 'abortion culture' fading in the former Soviet Union? Views about abortion and contraception in Kazakhstan. *Studies in family planning*, 33(3): 237–248.
- Agadjanian A. (2006) The search for privacy and the return of a grand narrative: Religion in a post-communist society. *Social Compass*, 53(2): 169–184.
- Ashwin S. (2000) Introduction: Gender, state, and society in Soviet and post-Soviet Russia. S. Ashwin (eds.) *Gender, state, and society in Soviet and post-Soviet Russia*. London; New York: Psychology Press.
- Akiner S. (1997) Between tradition and modernity: the dilemma facing contemporary Central Asian women. M. Buckley (eds.) *Post-Soviet Women: From the Baltic to Central Asia*. Cambridge University Press: 261–304.
- Alexander A., Welzel C. (2011) Islam and patriarchy: how robust is Muslim support for patriarchal values? *International Review of Sociology*, 21(2): 249–276.
- Anthias F., Yuval-Davis N. (1989) *Woman-nation-state*. New York: Springer.

Brubaker R. (1996) *Nationalism reframed: Nationhood and the national question in the new Europe*. New York: Cambridge University Press.

Clech A. (2018) Between the Labor Camp and the Clinic: Tema or the Shared Forms of Late Soviet Homosexual Subjectivities. *Slavic Review*, 77(1): 6–29.

Cleuziou J., Direnberger L. (2016) Gender and nation in post-Soviet Central Asia: from national narratives to women's practices. *Nationalities Papers*, 44(2): 195–206.

Coleman E., Sandfort T. (2014) *Sexuality and gender in postcommunist Eastern Europe and Russia*. London; New York: Routledge.

Davie G. (1994) *Religion in Britain since 1945: Believing without belonging*. New York: Wiley-Blackwell.

Eisenstadt S. N. (2000) Multiple modernities. *Daedalus*, 129(1): 1–29.

Esping-Andersen G. (1996) *Welfare states in transition: National adaptations in global economies*. New York: Sage.

Fathi H. (2006) Gender, Islam, and social change in Uzbekistan. *Central Asian Survey*, 25(3): 303–317.

Fitzpatrick S. (2000) *Everyday Stalinism: ordinary life in extraordinary times: Soviet Russia in the 1930s*. Oxford: Oxford University Press.

Johnson J. E., Saarinen A. (2013) Twenty-first-century feminisms under repression: Gender regime change and the women's crisis center movement in Russia. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 38(3): 543–567.

Johnston R. (2018) *Historical abortions statistics, Russia* [<http://www.johnstonsarchive.net/policy/abortion/ab-russia.html>] (accessed: 20.09.2019).

Hann C., Pelkmans M. (2009) Realigning religion and power in Central Asia: Islam, nation-state and (post) socialism. *Europe-Asia Studies*, 61(9): 1517–1541.

Hagemester M., Menzel B. (2012) *The New Age of Russia. Occult and Esoteric Dimensions*. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH.

Handrahan L. (2001) Gender and ethnicity in the 'transitional democracy' of Kyrgyzstan. *Central Asian Survey*, 20(4): 467–496.

Heyat F. (2004) Re-Islamisation in Kyrgyzstan: gender, new poverty and the moral dimension. *Central Asian Survey*, 23(3–4): 275–287.

Heyzer N. (2001) *Globalization, Gender Equality and State Modernization*. Penang: Third World Network.

Inglehart R. (1997) *Modernization and postmodernization: Cultural, economic, and political change in 43 societies*. New Jersey: Princeton University Press.

Inglehart R., Baker W. (2000) Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. *American Sociological Review*, 65(1): 19–51.

Inglehart R., Norris P. (2003) *Rising Tide: Gender Equality and Cultural Change Around the World*. New York: Cambridge University Press.

Inglehart R., Welzel C. (2005) *Modernization, cultural change, and democracy: The human development sequence*. New York: Cambridge University Press.

Inglehart R., Ponarin E., Inglehart R. (2017) Cultural change, slow and fast: The distinctive trajectory of norms governing gender equality and sexual orientation. *Social Forces* 95(4): 1313–1340.

Inkeles A., Smith D. (1974) *Becoming Modern*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

Gal S. (1994) Gender in the post-socialist transition: The abortion debate in Hungary.

East European Politics and Societies, 8(2): 256–286.

Gapova E. (2002) On nation, gender, and class formation in Belarus and elsewhere in the post-Soviet world. *Nationalities Papers*, 30(4): 639–662.

Gapova E. (2005) О Гendere, Natsii i Klasse v Postkommunisme [On Gender, Nation and Class under Postcommunism]. *Gendernye Issledovania* [Gender Studies], 13: 35–48 (in Russian).

Gapova E. (2007) Gender i postsovetskie natsii: lichnoe kak politicheskoe [Gender and Post-soviet Nations: Personal as Political]. *Ab Imperio*, (1): 309–328 (in Russian).

Gautier M. (1997) Church attendance and religious belief in postcommunist societies. *Journal for the Scientific Study of Religion*: 289–296.

Gelman A., Hill J. (2006) *Data analysis using regression and multi-level/hierarchical models*. New York: Cambridge University Press.

Gulevich O., Osin E., Isaenko N., Brainis L. (2018) Scrutinizing Homophobia: A model of perception of homosexuals in Russia. *Journal of homosexuality*, 65(13): 1838–1866.

Kandiyoti D. (2007) The politics of gender and the Soviet paradox: neither colonized, nor modern? *Central Asian Survey*, 26(4): 601–623.

Khalid A. (2008) *Islam after communism: religion and politics in Central Asia*. Berkeley: University of California Press.

Koch N. (2011) Security and gendered national identity in Uzbekistan. *Gender, Place & Culture*, 18(4): 499–518.

Kondakov A. (2013) Gomoseksual'nost' i obshchestvennoye mneniye v Rossii: ot negativnykh otsenok do bezrazlichiya [Homosexuality and public opinion in Russia: from negative assessments to indifference]. *Demoskop Weekly*, 565–566 (in Russian).

Kollontai A. (1977) Theses on communist morality in the sphere of marital relations. *Selected writings*. New York: WW Norton.

Luehrmann S. (2013) The spirit of late socialism and the value of transformation. Brezhnevism through the lens of post-Soviet religious revival. *Cahiers du monde russe*, 54(54/3–4): 543–563.

Mahon R., Williams F. (2007) Gender and state in post-communist societies: Introduction. *Social Politics* 14(3): 281–283.

Marsh R. (2004) Women in contemporary Russia and the former Soviet Union. W. Miller (eds.) *Women, ethnicity and nationalism: The politics of transition*. London; New York: Routledge.

Mayer T. (eds.) (2012) *Gender ironies of nationalism: Sexing the nation*. London; New York: Routledge.

Megoran N. (1999) Theorizing gender, ethnicity and the nation-state in Central Asia. *Central Asian Survey*, 18(1): 99–110.

Meuleman B., Billiet J. (2010) Religious Involvement: Its Relation to Values and Social Attitudes. E. Davidov, P. Schmidt, J. Billiet, B. Meuleman (eds.) *Cross-cultural Methods and Applications*. London: Taylor & Francis: 175–208.

Moore L., Vanneman R. (2003) Context matters: Effects of the proportion of fundamentalists on gender attitudes. *Social Forces*, 82(1): 115–139.

Mostov J. (2012) Sexing the nation/desexing the body: Politics of national identity in the former Yugoslavia. T. Mayer (eds.) *Gender Ironies of Nationalism*. London; New York: Routledge: 103–125.

Norris P. (2009) Why do Arab states lag the world in gender equality? *HKS Faculty*

Research Working Paper Series RWP09-020. John F. Kennedy School of Government, Harvard University.

Novokmet F., Piketty T., Zucman G. (2018) From Soviets to oligarchs: inequality and property in Russia 1905-2016. *The Journal of Economic Inequality*, 16(2): 189–223.

Ponarin E., Komin M. (2018) The Russian elite's imperial nationalism and the Russian society: The emergence of a grand consensus. *Sociology Compass*, 12(12): 1–16.

Pronkina Y.S. (2016) Osobennosti LGBT-diskursa v rossiyskikh media, initsirovannogo diskussiyami o regulirovanii seksual'nosti [Aspects of LGBT-Related Discourse in the Russian Media Today: The Case of Discussions Provoked by Regulations on Sexuality in Russia]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 14(1): 71–86 (in Russian).

Rotkirch A., Temkina A., Zdravomyslova E. (2007) Who helps the degraded housewife? Comments on Vladimir Putin's demographic speech. *European Journal of Women's Studies*, 14(4): 349–357.

Roxborough I. (1988) Modernization Theory Revisited. *Contemporary Studies of Society and History*, 30(4): 753–762.

Riabov O., Riabova T. (2014) The remasculinization of Russia? Gender, nationalism, and the legitimation of power under Vladimir Putin. *Problems of Post-communism*, 61(2): 23–35.

Rueschemeyer M. (2016) *Women in the politics of post-communist Eastern Europe*. London; New York: Routledge.

Scott C. (1995) *Gender and Development: Rethinking Modernization and Dependency Theory*. Boulder, Colorado: Lynne Rienner Publishers.

Sen A. (1999) *Development as freedom*. Oxford: Oxford University Press.

Smyth L. (1998) Narratives of Irishness and the problem of abortion: the X case 1992. *Feminist Review*, 60(1): 61–83.

Sokolov B. (2018) The Index of Emancipative Values: Measurement Model Misspecifications. *American Political Science Review*, 112(2): 395–408.

Sokolov B., Inglehart R., Ponarin E., Vartanova I., Zimmerman W. (2018) Disillusionment and Anti-Americanism in Russia: From Pro-American to Anti-American Attitudes, 1993-2009. *International Studies Quarterly*, 62(3): 534–547.

Spierings N., Smits J., Verloo M. (2009) On the compatibility of Islam and gender equality. *Social Indicators Research*, 90(3): 503–522.

Spina N. (2016) The religious authority of the Orthodox Church and tolerance toward homosexuality. *Problems of Post-Communism*, 63(1): 37–49.

Spohn W. (2003) Multiple modernity, nationalism and religion: a global perspective. *Current sociology*, 51(3): 265–286.

Suny R. (2000) Provisional stabilities: the politics of identities in post-Soviet Eurasia. *International Security*, 24(3): 139–178.

Surucu C. (2002) Modernity, nationalism, resistance: identity politics in post-Soviet Kazakhstan. *Central Asian Survey*, 21(4): 385–402.

Temkina A. (2010) Dobrachnaya devstvennost': kul'turnyj kod gendernogo poryadka v sovremennoj Armenii (na primere Erevana) [Premarital Virginity: The Cultural Code of the Gender Order in Contemporary Armenia (The Case of Yerevan)]. *Laboratorium*, 1: 129–159 (in Russian).

Temkina A. (2005) Gendernyj poryadok: postsovetskie transformacii (Severnij Tadzjikistan) [Gender Order: Post-soviet Transformations (Northern Tadjikistan)].

S. Kasymova (eds.) *Gender. Tradicii i sovremennost* [Gender. Traditions and Modernity]. Dushanbe: 6–92 (in Russian).

Temkina A.A. (2008) *Seksual'naya zhizn' zhenshchiny: mezhdru podchineniyem i svobodoy* [Woman's sexual life: between submission and freedom]. St. Petersburg: Yevropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge (in Russian).

Tohidi N. (1997) The intersection of gender, ethnicity and Islam in Soviet and post-Soviet Azerbaijan. *Nationalities Papers*, 25(1): 147–167.

Vishnevsky A. (2009) The Challenges of Russia's Demographic Crisis. *Russia. NEI Visions*, 41.

Welzel C. (2013) *Freedom rising*. Cambridge, England: Cambridge University Press.

World Values Survey: Round Six — Country-Pooled Datafile 2010-2014 (2014) R. Inglehart, C. Haerpfer, A. Moreno, C. Welzel, K. Kizilova, J. Diez-Medrano, M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin & B. Puranen et al. (eds.) Madrid: JD Systems Institute [<http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp>] (accessed: 08.11.2018).

Westoff C. (2005) Recent trends in abortion and contraception in 12 countries. *DHS Analytical studies*, 8.

Widmer E., Treas J., Newcomb R. (1998) Attitudes toward non-marital sex in 24 countries. *Journal of Sex Research* 35(4): 349–358.

Young K. (2013) Modes of appropriation and the sexual division of labour: a case study from Oaxaca, Mexico. A. Kuhn, A. Wolpe (eds.) *Feminism and Materialism (RLE Feminist Theory): Women and Modes of Production*. London; New York: Routledge: 124–155.

Yurchak A. (2013) *Everything was forever, until it was no more: The last Soviet generation*. New Jersey: Princeton University Press.

Yuval-Davis N. (1997) Women, citizenship and difference. *Feminist review*, 57(1): 4–27.

Yuval-Davis N. (2004) *Gender and nation*. London; New York: Routledge.

Zdravomyslova E. (2001) Hypocritical sexuality of the late Soviet period: Sexual knowledge and sexual ignorance. S. Webber, I. Liikanen (eds.) *Education and civic culture in Post-Communist countries*. London: Palgrave Macmillan: 151-167.

Zimmerman W., Inglehart R., Ponarin E., Lazarev Y., Sokolov B., Vartanova I., Turanova I. (2013) *Russian Elite-2020: Valdai Discussion Club. Grantees Analytical Report*, 3042. Moscow: Valdai Discussion Club.